

творчество

ВЕРНОСТЬ ПРАВДЕ ЖИЗНИ

Николая Павловича Задорнова нет необходимости представлять дальневосточникам. «Далекый край», «Амур-батюшка», «Невельской», «Цунами», «Хэда» — за этими названиями романов сразу же угадывается основная тема его творчества. Мы считаем его своим писателем, хотя вот уже более четырех десятков лет он живет совсем на другом конце нашей страны — в Риге. Но ничего парадоксального в таком утверждении, как ни странно на первый взгляд, не содержится. И объяснить это можно подлинным патриотизмом писателя, его горячим стремлением пропагандировать и воспитывать этот патриотизм в человеке, молод ли он возрастом или убелен сединами.

В каждый приезд на Дальний Восток (а свои путешествия сюда он совершает довольно часто) Задорнов стремится

увидеть как можно больше, встречается с десятками людей, выступает в различных аудиториях, вырывая возможность на день-другой уехать в тайгу, проплыть по Амуру. Не перестаешь удивляться его энергии, жадности до впечатлений, щедрости собеседника, душевной обеспокоенности.

В последний раз мы встретились с Николаем Павловичем нынешней осенью во время Дней советской литературы на Восточном участке БДМА. Одну из своих бесед с писателем мы посвятили теме, получившей на Всесоюзном совещании идеологических работников особое звучание при оценке работы литераторов, — историческому роману. Предлагаем запись этой беседы, сделанную корреспондентом «Тихоокеанской звезды».

— Николай Павлович, в чем вы видите главную задачу человека, берущегося за историческую тему? И как вы сами подошли к ней?

— Вы знаете, я всегда боюсь категорических оценок. И сам не отношу себя к историческим романистам. Мне кажется, всю свою сознательную жизнь я пишу очерки, люблю их писать, и даже иногда, на мой взгляд, они у меня получаются. Занялся ими еще когда был совсем молодым газетчиком. И случилось это еще до войны, в Башкирии, потом писал здесь, на Дальнем Востоке.

В ту пору я работал в качестве корреспондента ТАСС. Несколько лет провел в Комсомольске-на-Амуре. Там я подружился с Андреем Пришивиным, Юлией Шестаковой, Петром Комаровым, Вадимом Павчинским, которые в составе группы выездной редакции «Тихоокеанской звезды» были на строительстве завода «Амурсталь». Они были опытной меня как журналисты, людьми высокой культуры, хорошими товарищами, и у них я многому научился.

Тогда я поставил себе за правило писать в месяц не менее четырех очерков. Время было такое, что надо было показывать крупно, масштабно людей, их труд. Поначалу я считал, что писать все время положительные материалы — это скучное занятие и внутренне даже протестовал против такой необходимости. Но чем больше встречался с людьми, чем глубже узнавал их, тем яснее начал сознавать, сколь благородно то дело, которое мы совершаем.

В Комсомольске я написал цикл очерков о знаменитой в ту пору женщине Валентине Деминой. Позднее они оформились в книжку — «Рассказы Валентины Деминой». Удивительно красивой души это был человек. Скромности необыкновенной. Большая умница. Встречи с такими людьми, как Валя Демина, привили мне уважение к человеку, нэважно, большой или маленький пост он занимает, носит белый халат или промасленную спецовку. И мне стало интересно, увлекательно раскрывать героическое, преобразующее начало в человеке. Ведь сила положительного примера всегда была и будет источником всякого движения вперед, и социального в первую очередь.

Вот почему по моему глубоко убеждению задача автора исторического романа — не очернять прошлое, а суметь увидеть даже в самых тяжелых страницах его прогрессивные, положительные тенденции, которые, развиваясь, в конечном итоге и приводили к прогрессу.

От очерков я постепенно перешел к литературе. И тогда же засел за свою первую книгу, которая оказалась для меня сразу счастливой.

— Вы имеет в виду то, что за нее вам была присуждена Государственная премия СССР или что-то другое?

— Отвечу вопросом на вопрос. Как вы думаете, чем «Амур-батюшка» отличается как исторический роман от последующих моих книг? А тем, что в нем я писал о событиях, отдаленных от меня всего лишь на 70 лет. Еще жива была память о тех, кто пришел на Амур, чтобы освоить эти земли, преобразовать их. Сохранились устные рассказы, иногда, правда, уже похожие на предания.

Замысел книги зародился во время моих командировок в качестве журналиста, когда я вплотную познакомился с жизнью малых народностей Приамурья. Работа, как вы сами понимаете, шла без сбора исторических документов, их почти и не было тогда. И меня все время подстигивала мысль, что надо спешить, что если я не соберу этого материала вовремя, то старики умрут, жизнь переменится. А она менялась очень быстро, и ничего уже нельзя будет узнать. Постепенно материал, который накапливался у меня, выстраивался в две книги: о русских на Амуре и о нанайцах. Так получилось две книги — «Далекый край» и «Амур-батюшка».

Что еще побуждало меня написать эту книгу? На западе поднимал голову фашизм, во многом опиравшийся на расистские учения. Мне в жизни много приходилось слышать пренебрежительных отзывов о русском человеке, упреков ему. Русского мужика нередко рисовали ничтожным, «никчемным», хотя с задатками таланта и ума. А на моих глазах страна преобразилась, народ в труднейших условиях создал новую жизнь. И мне хотелось открыть малоизвестные картины истории нашего народа, показать, что и в былые годы в Сибири, в условиях борьбы с природой, русский человек выказывал силу воли, ум, редкую энергию. Я думал: «Пусть будут люди без всяких прикрас, люди того времени, неграмотные, суеверные, грубые, во многом, может быть, непривлекательные для нас, современных людей, но со стремлением к свободе и счастью».

Когда роман был готов, я вдруг впал в сомнение: а верно ли все то, что я написал? Ведь я не историк, ведь сам я не жил в те времена, ведь все, что изобретено в книгах, — это все-таки родилось в моем воображении. Но потом я встретился с живыми людьми, с нанайцами, и в их рассказах находил подтверждение тому, о чем написал, о чем думали мои герои, как поступали. Эти встречи меня ободрили. Я почувствовал, что, домысливая, иногда можно додуматься до того, что в самом деле оказывается очень близко к истине.

За последние годы сибирская, дальневосточная тема в литературе начинает становиться тоже «вопросом общественным», «политическим». И может стать, к сожалению, еще и модной, привлечь к себе и в современном, и в

историческом планах мастеров конъюнктуры. А между тем эта земля требует достоверного знания и честного изучения, затраты огромных сил.

— Вы говорите об этом, вероятно, исходя и из своего последующего опыта!

— В какой-то мере каждый человек рассуждает, исходя в первую очередь из своего опыта, конечно, имея в виду и опыт, предшествующий ему. Иначе нет диалектики познания.

Но если говорить обо мне, то, конечно, при всем стремлении набираться впечатлений из самой жизни, наблюдать ее в движении, постичь все самому, о чем пишу, я, конечно же, отдаю должное документам.

И приучил себя внимательно изучать их. Сознаною, что в молодости я не мог усидеть больше часа над ними, но теперь могу не спать целыми сутками, докапываясь до тайны, скрытой в той или иной бумаге. Приучил себя внимательно изучать каждое слово, много читать, соединять какие-то свои личные наблюдения с реальными фактами.

Чтобы читать документы в подлиннике, овладел английским языком, и это очень помогает мне в работе.

— И все-таки вы не замкнулись в рамках (библиотек, архивов, музеев, а много ездите. Что дает вам это, ведь встреч с прототипами своих героев или людей, близких к ним по времени, как, скажем, было в первом романе, вас сейчас на этом пути не ожидает. Что дают вам эти поездки?

— Почему я не могу подолгу усидеть на месте, если не пишу, конечно? Потому что движение, поездки помогают мне делать мои романы не академическими, сухими, а с позиции человека, все это как бы увидевшего, изучившего обстановку, те места, о которых идет речь. Скажем, мне было бы трудно писать свою трилогию о Путятине, не поживи я в Японии, не увидев своими глазами место гибели «Дианы», не побывав в деревне Хэда.

Или, скажем, в свое время я много читал о французских коммунарах, знал, что на кладбище Пер-Лашез есть стена, у которой их расстреляли. Но одно дело знать, другое — увидеть. Не могу передать той скорби, ужаса, гнева, охвативших меня, когда я пришел на это место. И сразу все знания обрели зрительный образ, я почувствовал физическую боль, какую-то внутреннюю связь с этими людьми.

Вот этот эффект присутствия, он, по-моему, необходим любому литератору, ну а пишущему на историческую тему — особенно.

— Но дело, наверное, не только в том, чтобы таким «эффектом присутствия» добиваться приближения к изображению правды жизни! А в чем-то гораздо большем!

— Я понимаю, о чем вы хотите сказать. Об особой ответственности исторического романиста. Знаете, в этой

связи мне вдруг вспомнилось, как однажды «Морнинг стар» назвала мой роман «Амур-батюшка» не историческим романом, а политическим. И хотя я совсем не задавался такой целью, но хорошо знаю, что, углубляясь в историю, нельзя обойти при этом стороной и политические вопросы. Нынешней зимой я начал перечитывать Владимира Клавдиевича Арсеньева и вдруг заново открыл его для себя. Мы привыкли думать о нем больше как об исследователе Дальнего Востока, краеведе. Но ведь это глубоко ошибочное мнение. Нельзя забывать, что Арсеньев был в первую очередь человеком военным, что большая часть его путешествий была связана с будущим экономическим развитием Дальнего Востока, с его укреплением от посягательств международного империализма. А приглядитесь к поэзии Петра Комарова. Она вся пронизана воинствующим патриотизмом. На мой взгляд, вообще дальневосточная литература носит такой характер. И в первую очередь в силу особого международного положения этого края. Так я расцениваю и свою трилогию о Путятине. В нашей литературе Путятин — личность мало описанная. Довольно широко известны были только записки его секретаря Ивана Гончарова «Фрегат «Паллада» и то, что адмирал Путятин заключил договор с Японией о торговле и границах. Но ведь история не делается в один день. В ней важно все. И потому я попытался проследить, как один такой флотский затронул историю двух народов, повлиял на них, положил начало мирным отношениям между двумя соседними странами.

История не уходит в небывшие, в забвение. И как бы отдалены не были от нас ее отдельные факты, они так или иначе связаны с нашим сегодняшним днем. И всем своим трудом я пытался доказать это.

— В заключение вопрос традиционный: над чем вы работаете сейчас, Николай Павлович?

— У каждого человека есть в сердце что-то свое, заветное. Для меня это Дальний Восток. Все самое дорогое, лучшее, что было у меня в жизни, связано с ним. И потому я снова сижу над рукописью романа, действие которого происходит в этих краях. Он будет называться «Большие плавания». И посвящается основанию Владивостока. Те, кто знаком с моей трилогией «Цунами» — «Симода» — «Хэда», встретятся в нем снова с дорогими для меня героями Сибирцевым, Мусиным-Пушкиным и другими. Осталось дописать несколько глав, но сколько я проработало над ними, пока не знаю.

— Ну что же, будем ждать новых встреч с вашими произведениями и до новых встреч на нашей дальневосточной земле.